

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВЧК-ГПУ В СОВЕТСКОМ ТУРКЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ 20-Х ГГ.

Деятельность советских спецслужб всегда вызывала огромный интерес многих исследователей, как отечественных, так и западных. Пожалуй, немногие из научных работ, посвященных подобной проблематике, могут претендовать на объективность. Вина за предвзятость и необъективность в меньшей мере лежит на авторах. История подобного рода засекреченных организаций по определению недоступна для широкого круга людей, а отсутствие допуска ко многим важным архивным документам не позволяет специалистам давать беспристрастные оценки. Ко всему прочему, исследователям фактически невозможно абстрагироваться от воздействия главенствующей государственной идеологии. В советское время образ чекистов всегда представлялся героическим. О них снимали фильмы, писали книги. После распада СССР историки новой волны, пытаясь очернить все советское, стали формировать иные образы. Моментально бывшие герои превратились в отпетых негодяев, подлецов и военных преступников. Некоторые современные исследователи начали обвинять ВЧК-ГПУ-НКВД во всех грехах, приписывая самые им самые страшные преступления против советского народа. Такое искаженное идеологизированное видение не содействует достижению исторической правды, которая, как и любая истина, «находится посередине». Постараемся проанализировать деятельность ВЧК-ГПУ в конкретном регионе, опираясь при этом на недавно рассекреченные документы федеральных архивов.

Среднеазиатский регион без сомнения являлся самым проблемным для советской власти. И если в Крыму, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке белогвардейское сопротивление и гражданская война прекратились в 1920–1922 гг., то в Средней Азии военный конфликт только начинал набирать силу. Непоследовательная и крайне агрессивная политика советской власти в отношении мирного мусульманского населения привела к длительному и кровопролитному противостоянию в регионе.

Логично было бы предположить, что именно ГПУ, будучи неотъемлемой частью советского репрессивного аппарата в Средней Азии, виновно в крупномасштабных преступлениях против мир-

ных мусульман, однако архивные материалы вырисовывают иную картину.

Многие советские партийные работники были вынуждены признать, что ситуация в среднеазиатском регионе в начале 20-х гг. стала развиваться стихийно, и, по сути, вышла из-под контроля. Так, член РВС Березин в 1921 г. на секретном заседании заявил, что руководство Туркфронта виновно в гибели около 300 тыс. мирных жителей Средней Азии, в числе которых были и дети, и женщины. Кроме того, Березин сообщал, что войсковые подразделения, на долю которых выпала задача бороться с басмаческими отрядами, формируются и у уголовных элементов¹. Бесчинства и различные зверства Красной армии в отношении мирного мусульманского населения он объяснял отсутствием контроля, распущенностью и вседозволенностью, как офицерского, так и рядового состава. На фоне уничтожения традиционной исламской системы ценностей, осквернения мечетей, закрытия медресе, руководство Туркфронта ввело и институт заложничества. Таким образом, пополнение басмаческих отрядов за счет мирного мусульманского населения было обеспечено вперед на многие годы.

Принимая во внимание сложившуюся критическую ситуацию с басмачами в Туркестане, Москва была вынуждена предпринять ряд мер, направленных на сглаживание противоречий с местным населением. Поэтому на сотрудников Среднеазиатского отделения ГПУ были возложены задачи не только борьбы с басмаческими отрядами, но и контроля над деятельностью красноармейских частей и их руководства.

Анализируя материалы архивов, складывается впечатление, что руководство Среднеазиатского отделения ВЧК-ГПУ находилось в состоянии явной вражды с представителями Туркфронта. Зачастую распоряжения, не говоря уже о рекомендациях высокопоставленных сотрудников советских спецслужб, не принимались во внимание военачальниками.

В этом плане весьма интересной представляется протокол заседания Чрезвычайной комиссии по борьбе с басмачеством в Самаркандской области от 6 сентября 1922 г. Члены комиссии обсуждали вопрос о самочинных расстрелах мирного населения и взятии в заложники родственников басмачей. На заседании единогласно было принято следующее постановление: «Все дела о самочинных расстрелах немедленно передать Революционному во-

енному трибуналу для срочного разбора на выездных сессиях. Предложить военному командованию издать приказ о недопущении самочинных расстрелов. Применение каких бы то ни было репрессий к родственникам басмачей, вообще, признать нежелательным, заложников освободить, конфискованное имущество возвратить»². Командующий красноармейскими частями Самаркандской области Снитко данное постановление проигнорировал. Подтверждением тому служит любопытный эпизод, произошедший всего через несколько дней после заседания Чрезвычайной комиссии. Один из крупных полевых басмаческих командиров Самаркандской области по имени Бахрам-бек решил добровольно перейти на сторону советской власти. Сам факт перехода не являлся событием экстраординарным. Многие басмачи с таким рвением воевали на стороне Советов против других басмачей, преследуя корыстные интересы, что получали государственные награды. Радости ответственных советских работников в Самарканде не было предела. Бахрама встречал лично военком с оркестром³. Однако вскоре произошел конфуз. Бахрам из города исчез. А командующий войсками Самаркандской области товарищ Снитко, судя по его личной переписке, человек на просто малограмотный, а откровенно глупый, осознал, что если Бахрам сбежал, да еще и прихватив с собой оружие, то за этот побег придется отвечать по всей строгости закона революционного времени. Поэтому Снитко предпринял все, чтобы вернуть его любой ценой, до того, как об этом инциденте станет известно начальству. С этой целью он обнародовал следующий указ: «На основании власти, данной мне РВС Туркфронта, приказываю объявить войну всему населению Самаркандского уезда, если через сорок восемь часов с момента объявления мной волостным и сельским представителям настоящего приказа, курбаши Бахрам не явится ко мне и не сложит покорно свое оружие и оружие своих джигитов, то ближайшие пять его родственников будут расстреляны»⁴. В назначенный срок Бахрам в Самарканд не явился, и Снитко перевыполнил план по расстрелу его родственников. Вместо пятерых казнил сразу двенадцать человек⁵. Однако скоро советскими разведчиками были выяснены обстоятельства исчезновения Бахрама. Председатель Чрезвычайной тройки Сергазиев сообщал в Ташкент, что Бахрам не сбежал, а был похищен другими басмачами, а распоряжение Снитко о расстреле родственников следует считать неза-

конным⁶. Чекисты требовали в Туркестанском Центральном исполнительном комитете снять Снитко с занимаемой должности и передать его военному трибуналу, однако все осталось по-прежнему.

Кроме борьбы с самочинными расстрелами мирного мусульманского населения и институтом заложничества, сотрудники ВЧК-ГПУ проводили систематические ревизии по выявлению административно-хозяйственных нарушений в армии. Секретные данные, передаваемые ими в Ташкент и Москву, заслуживают особого внимания. Факты, выявленные советскими спецслужбами, и по прошествию более восьмидесяти лет кажутся шокирующими.

Особенно много злоупотреблений было обнаружено в штабах Ферганской и Самаркандской области. Так, в марте 1922 г. командующим войсками Ферганской области был назначен Врачев. После вступления в должность он написал в Турккомиссию, что, судя по первым впечатлениям, войска в области находятся в удовлетворительном состоянии, за исключением продовольственного и фуражного. Для того чтобы поправить продовольственное положение, Врачев обратился к председателю Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) Гусеву с настоятельной просьбой оказать срочную финансовую помощь в размере 10 млрд руб. В противном случае, как выразился Врачев, «при предстоящей военной операции придется грабить население»⁷. Гусев ответил, что грабежи и мародерства по отношению к местному населению следует считать недопустимыми⁸. Указания руководства Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) были проигнорированы в Фергане. Несмотря на систематические грабежи кишлачного населения, продовольственное положение подчиненных Врачеву отрядов не улучшилось. Менее чем за месяц руководство Ферганского штаба довело состояние своих частей до катастрофического. В начале апреля 1922 г. начальник Особого отдела Туркестанского фронта Киселев провел ревизию в Ферганской области и отправил в Ташкент доклад о материально-техническом состоянии красноармейских частей, находящихся под непосредственным командованием Врачева. В частности, Киселев сообщал: «Исходя из имеющихся данных о состоянии войсковых частей, констатируется наличие определенного разложения, каждым днем усугубляемого и грозящего тяжелыми последствиями. В 5-й стрелковой бригаде поголовное пьянство, грабежи, бандитский разгул достигли своего апогея. Вышее

руководство потеряло всякий авторитет, распустилось окончательно. Штаб занят спекуляцией, на казенные суммы, под флагом военно-экономического совещания за счет красноармейских масс ведет роскошный образ жизни, [не рассекречено] по 50 млн руб. В то же время части голодают, конский состав гибнет»⁹. Кроме того, Врачев отказался субсидировать разведку.

Схожие данные в сентябре того же года передавал в Ташкент начальник осведомительного отдела Колосов. Он информировал, что наряду с неудовлетворительным продовольственным снабжением в войсковых частях Ферганской области сложилась опаснейшая санитарно-эпидемиологическая ситуация. Нехватка медикаментов по области составляла приблизительно 75 %¹⁰. Половина красноармейцев страдали от малярии. Некоторые части размещались прямо под открытым небом. «Госпитали в невозможном состоянии; везде грязь, койки отсутствуют, дезинфекции не бывает, что способствует развитию паразитов» – писал Колосов в Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б)¹¹.

Учитывая выявленные факты административно-хозяйственных и финансовых нарушений, Киселев и Колосов предлагали немедленно снять с занимаемой должности командующего штабом Ферганских войск Врачева и придать его военному трибуналу, но руководство Туркеспублики, по невыясненным причинам, не пошло на этот шаг.

Не менее удручающая ситуация была выявлена сотрудниками ГПУ в Самаркандской и Семиреченской областях. Заместитель начальника ГПУ Туркестана Исаев в рапорте от 28 мая 1922 г. сообщал, что недостаток обмундирования составляет от 25 до 90 %. И далее: «В Самаркандской области наблюдается падение авторитета командного состава на почве совместного пьянства. Дисциплина в большинстве частей неудовлетворительна. Так, в третьем полку Самаркандской области пьянство носит систематический характер, увеличиваются грабежи и избиения мирного населения. Два дивизиона, три кавалерийских полка разуты и раздеты. 75 % красноармейцев Самаркандской области занимаются бандитизмом. Ввиду неудовлетворительного медицинского обслуживания, отсутствия соответствующих медикаментов распространяются заболевания малярией и тифом. Многие красноармейцы по причине неполучения мыла и прочих дезинфицирующих средств страдают от кожных заболеваний. В Семиреченской области

регулярным строевым занятиям мешает отсутствие обуви. Растет дезертирство»¹². Как и в случае с командующим войсками Ферганской области Врачевым, командующий штабом Самаркандской области Снитко не был снят с занимаемой должности, но многие другие красноармейцы, уличенные ГПУ в бандитизме и мародерстве, понесли суровое наказание.

Как мы видим из рассекреченных документов, Среднеазиатское отделение ВЧК – ГПУ занималось не только борьбой с басмаческими формированиями. Да и сама борьба, чаще всего, носила характер не массового вооруженного противостояния, а имела резидентурную направленность. Разведывательные сведения, на основе которых выстраивались многие боевые операции, зачастую минимизировали потери среди мирного мусульманского населения.

К сожалению, нами не были обнаружены архивные сведения, проливающие свет на социальный состав и уровень образования сотрудников ГПУ в Средней Азии, однако по ряду косвенных фактов можно сделать несколько предположений. Показательным является следующий эпизод. В 1922 г. советская резидентура перехватила переписку двух басмаческих командиров, которая велась на арабском языке. Речь шла о возможной поддержке басмаческих формирований со стороны Франции. Разведчики тут же перевели текст с арабского на французский и через Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) оповестили дипломатов Франции о том, что их планы раскрыты. Подобный высочайший интеллектуальный и образовательный уровень никак не вяжется с малограмотными уголовниками и моральными дегенератами рядового и командного состава среднеазиатских частей Красной армии. В донесениях советских разведчиков не было ни одной грамматической и лексической ошибки. Часто при написании текста использовалось старое дореволюционное письмо. Все это косвенно говорит о том, что советская резидентура в Средней Азии могла состоять из бывших сотрудников спецслужб Российской империи. Скорее всего, многие из них были востоковедами и принадлежали к дворянскому сословию. Неудивительно, что в 30-е гг. их имена перестали встречаться в официальных донесениях. Маловероятно, что кто-то из них пережил 1937 год.

Анализируя недавно рассекреченные материалы центральных архивов, приходится пересматривать оценки деятельности первых советских спецслужб. Вопреки мнению многих постсовет-

ских историков, нельзя однозначно заявлять о том, что ВЧК – ГПУ на протяжении всего периода своего существования были ориентированы исключительно на террор. Обвинения их в геноциде и массовых репрессиях часто носят сугубо эмоциональный, мифологизированный характер. Тем более некоторые исследователи упорно не хотят замечать, что к середине 30-х гг. в советских органах безопасности уже не работали те, кто стоял у их истоков в 1917 г. Это приводит к тому, что вина за чудовищные по масштабу преступления второй половины 30-х гг. автоматически переносится на всех сотрудников этого ведомства. В любом случае, объективная и беспристрастная история советских спецслужб еще не написана, хотя современному российскому обществу стоило бы знать не только Ягоду и Ежова, но и настоящих героев, чьи имена незаслуженно оказались забытыми.

Примечания

1. Архив внешней политики Министерства иностранных дел РФ. Ф. 56Б. Оп. 1. Пап. 28. Д. 177. Л. 13.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 22. Л. 48.
3. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 25. Л. 118.
4. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 22. Л. 69.
5. Там же. Л. 55.
6. Там же. Л. 64.
7. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 27. Л. 7.
8. Там же. Л. 8.
9. РГАСПИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 28. Л. 50.
10. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 25. Л. 57.
11. Там же. Л. 91.
12. РГАСПИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 28. Л. 31.